

*Поликарпова Ксения Сергеевна
студентка 2 курса магистратуры,
юридический факультет
Южно-Уральский государственный университет,
Россия, г. Челябинск
e-mail: karandashpro74@mail.ru*

*Научный руководитель: Русман Г.Н.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
Южно-Уральский государственный университет,
Россия, г. Челябинск*

УГОЛОВНО–ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ

***Аннотация:** Статья посвящена особенностям уголовно–процессуальной деятельности следователя, как в прошлом столетии, так и в современной России. Предпринята попытка показать роль и значение профессии, выделить качества, которые должны быть присущи следователям в настоящее время. Рассмотрены некоторые уголовно–процессуальные и организационные проблемы в деятельности следственных подразделений, связанные с ведомственным контролем, показаны возможные пути их решения.*

***Ключевые слова:** следователь, процессуальный статус, ведомственный контроль, расследование, преступление.*

*Polikarpova Ksenia Sergeevna
2nd year master student
faculty of law
South Ural State University
Russia, Chelyabinsk*

*Scientific adviser: Rusman G.N.,
candidate of legal sciences, associate professor, Head of the Department
South Ural State University,
Russia, Chelyabinsk*

CRIMINAL PROCEDURAL STATUS OF THE INVESTIGATOR

***Abstract:** The article is devoted to the specific features of the criminal procedure activities of the investigator both in the past century and in contemporary Russia. The authors show the role and meaning of this profession and identify the qualities necessary for modern investigators. They examine some criminal procedure problems*

and organizational problems in the work of investigation departments connected with departmental monitoring, and outline possible ways of solving them.

Key words: investigator, procedural status, departmental monitoring, investigation, crime.

На протяжении последних 20 лет современная Россия находится в состоянии постоянного реформирования. Ревизии подвергаются практически все сферы жизнедеятельности, «новые требования» предъявляются ко всем без исключения профессиям. Не является исключением и профессия «следователь». С болью и сопереживанием рассматриваются многие вопросы, связанные с падением престижа работы в следственных подразделениях, массовыми увольнениями молодых следователей, не проработавших и нескольких лет. Практически во всех высших учебных заведениях юридического профиля можно увидеть призывные плакаты, «манящие» в то или иное ведомство на должность следователя. Однако, к большому сожалению, желающих работать в следствии все меньше. Многие причины представляются очевидными.

О необходимости применения научного подхода к расследованию преступлений, умению читать тайны, следовательно, качественной профессиональной подготовленности следователя, писал еще И.Н. Якимов [1, с. 5–30]. Представляется, что нет никакой необходимости приводить аргументы о роли, значении уголовного процесса и криминалистики в правоприменительной деятельности. Не оспаривается этот аргумент практическими работниками и сегодня.

После изучения уголовно–правовых дисциплин, в том числе и вышеперечисленных, молодые выпускники попадают в следственное подразделение. Вот как писал об этом времени выпускник юридического факультета Ленинградского университета, а в последующем известный процессуалист В.Т. Томин: «В следователи брали тех, кто писал получше... Личным примером они учили меня работать» [2, с. 24–25]. Пример следователя–наставника в работе, которого и сейчас так называют, что может быть лучше?

Кто быстрее заметит ошибку молодого следователя? Естественно, наставник: он и подскажет, и покрикует, а когда заслужил – похвалит.

О профессиональных качествах следователя писал другой, не менее известный ученый, проработавший много лет следователем, А.М. Ларин. В частности, кроме увлеченности работой, следователь должен быть доброжелательным к людям, нетерпимым ко злу, справедливым, желающим больше увидеть, узнать, понять. А самое главное, Александр Михайлович отмечал, что от следователя требуются смелость и решимость. Следователь, не смеющий возразить против навязываемого им «сверху» решения, достоин презрения [3, с. 23–26]. На мой взгляд, очень верное утверждение, сохраняющее свою актуальность и сегодня.

Л.Я. Драпкин, также в прошлом следователь, совсем недавно опубликовавший свою очередную монографию, посвященную логическим, эвристическим и интуитивным механизмам мышления следователя, разделяет точку зрения своих коллег. По мнению Леонида Яковлевича, следователь – главная процессуальная фигура на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Именно он должен определять направление в расследовании, нести ответственность за качество принимаемых тактических и процессуальных решений, особенно в сложных следственных ситуациях [4, с. 4–97].

Становлению в профессии следователя помогают: знание уголовно–правовых дисциплин и умение их применить на практике, работа со следователем–наставником, глубокое убеждение, что следователь – это фигура процессуально независимая и самостоятельная. Особо следует отметить, что современный следователь должен быть не просто профессионалом, но и человеком высоконравственным, имеющим собственную гражданскую позицию, умеющим ее отстаивать.

В последние годы публикации, посвященные процессуальной самостоятельности следователя, также не являются редкостью [5, с. 19–22]. Некоторые ученые пишут о необходимости оптимизации процессуальной самостоятельности следователя [6, с. 242–245]. По мнению А.З. Бецукова,

недопустимо вмешательство в процессуальную деятельность следователя [7, с. 908–922]. Еще более определенно высказалась Е.В. Тузова, которая обоснованно считает, что следователь должен принимать решения исключительно самостоятельно [8, с. 226– 232]. Многие ученые, рассматривая вопросы соотношения процессуальной самостоятельности и ведомственного контроля, также говорят о процессуальной самостоятельности и ответственности каждого участника уголовного судопроизводства, обладающего властными полномочиями, за принятые решения [9, с. 7– 14]. Как правило, в этих случаях имеют в виду и комплексный подход к расследованию преступлений [10, с. 201– 203].

Таким образом, можно сделать вполне определенный вывод, что вопрос о процессуальной самостоятельности следователя не подвергался сомнению в теории уголовного процесса и криминалистики, как в прошлом, так и в настоящее время. Соглашаются с этим и практики, да и как по–другому, ведь в ст. 38 УПК РФ прямо указано, что следователь руководствуется в своей деятельности уголовно–процессуальным законодательством, самостоятельно направляет ход расследования.

Вместе с тем, к большому сожалению, вынуждена констатировать, что в настоящее время руководителям следственных подразделений профессионально подготовленный и самостоятельный следователь не нужен. Как правило, приоритет отдается таким качествам следователя, как исполнительность, дисциплинированность, способность оперативно выполнить указание руководителя. Фактически, следователь превратился в лицо, оформляющее уголовное дело под контролем своего начальника, а не расследующее преступление. Наиболее очевидно это проявляется на уровне следственных подразделений, работающих, как говорят практики, «на земле», в которых и расследуется подавляющее число всех зарегистрированных преступлений. Например, в следственном подразделении есть относительно небольшое количество следователей, работающих достаточно напряженно. Руководитель и заместитель следственного подразделения, сотрудник отдела процессуального

контроля и начальник этого отдела, курирующий заместитель и руководитель Следственного управления конкретного субъекта Российской Федерации – это только примерный перечень должностных лиц, осуществляющих так называемый ведомственный контроль за процессуальной деятельностью следователя «на земле» (всего 6). Но и это еще не все. Процессуальная позиция по делу, как правило, согласуется заранее с аналогичным отделом процессуального контроля в прокуратуре субъекта. Причем позиция следствия и прокуратуры совпадает далеко не всегда. Ни о какой процессуальной самостоятельности следователя, естественно, речи не идет. В результате огромной эмоциональной и физической нагрузки «текучка» на уровне районного звена просто катастрофическая, профессиональное выгорание происходит очень быстро, следственное подразделение за несколько лет в кадровом отношении «омолаживается» практически полностью. Сотрудники, подавшие рапорт на увольнение, как правило, негативно отзываються о следственной деятельности, высказывают, зачастую, обоснованные претензии по поводу формализма в расследовании, отсутствия мотивации к профессиональному росту и честному выполнению своих обязанностей. Как результат, следователей, которые способны качественно расследовать уголовные дела на уровне районного звена практически нет, так как «выжившие» либо становятся руководителями, либо переводятся в более элитные подразделения. Например, в подразделениях Следственного комитета – это отделы по расследованию особо важных дел. Кстати, в этих подразделениях ситуация более благоприятная, как в кадровом отношении, так и относительно качества расследования. Но надолго ли? Если не вырастить достойной смены, уже в ближайшей перспективе мы получим следователей–чиновников, готовых выполнить любую команду руководителя, не вникая в существо преступления, механизм его совершения и виновность конкретного лица. Присущий уже сегодня субъективизм при формировании доказательств и искажение процессуальной информации (доказательств) станет объективной реальностью, что абсолютно неприемлемо в цивилизованном обществе. Как видно, в этом вопросе налицо определенный разрыв между

теорией и практикой. Исследования ученых в настоящее время на практике остаются невостребованными, а иногда воспринимаются как ненужные и абсолютно бесполезные.

Очевидный парадокс, подтверждающий разрыв между теорией и практикой, заключается и в том, что студентов учат процессуальной самостоятельности, а с точки зрения теории по-другому и быть не может, а в повседневной практической деятельности он такой самостоятельности не имеет.

Общеизвестно, что в современном уголовно-процессуальном законодательстве нет обязанности установления истины по делу. В редакции ст. 21 УПК РФ речь идет об установлении события преступления, изобличения лица, виновного в совершении преступления. На практике, прежде всего с учетом отсутствия в законе такой обязанности, судом оцениваются доказательства, представленные стороной обвинения, через призму обвинительного заключения, опять же, с учетом нагрузки, которая сегодня легла на судей. Суть в том, что суд, зачастую, доверяя стороне обвинения, дает оценку не самим «письменным» доказательствам, а тексту обвинительного заключения, в котором причинно-следственная связь между конкретными доказательствами, полученными в ходе расследования, и их редакционным изложением в обвинительном заключении прослеживается далеко не всегда. Такие ситуации довольно часто возникают при производстве некоторых экспертиз. Например, по делу назначается бухгалтерская экспертиза и перед экспертом ставятся конкретные вопросы. В ходе ее производства сделать категорические положительные выводы, а порой даже вероятностные, можно далеко не всегда. Естественно, эти обстоятельства находят отражение в заключении эксперта. И фактически, и юридически – полученное доказательство события преступления, виновность лица и иные обстоятельства, подлежащие доказыванию, не устанавливает. Однако заключение эксперта упоминается в обвинительном заключении в числе других доказательств, якобы подтверждающих предъявленное обвинение. В свою очередь, судом такое доказательство оценивается как относимое к делу и, как правило, ложится в основу приговора.

Считаем, что подобное положение дел нельзя признать удовлетворительным. В ходе расследования уголовного дела и рассмотрения его по существу, доказательства должны оцениваться непосредственно, по внутреннему убеждению, основанному на их совокупности, в соответствии с законом и совестью (ст.17 УПК РФ). Очевидно, что недопустим формальный подход к отправлению правосудия, однако фактически происходит именно это.

С точки зрения организации работы отмечу катастрофическое повышение общего объема составляемых следователем непроцессуальных документов (отчеты, справки, статистические сведения и т.п.). Расследовать просто некогда, не соблюдаются и элементарные рекомендации, выработанные криминалистической наукой, касающиеся вопросов планирования, организации взаимодействия и тактики производства процессуальных действий.

Формальный подход наблюдается и в работе со следами в ходе осмотра, особенно после появления статьи 164.1 УПК РФ, которой предусмотрено обязательное участие специалиста в случае необходимости изъятия электронных носителей информации. Полноценное участие специалиста во всех случаях изъятия таких носителей обеспечить практически невозможно. Например, в настоящее время в целях реализации этой новеллы следователи в качестве специалистов приглашают продавцов или менеджеров компьютерных магазинов. Следователь и приглашенный «специалист» порой даже не задумываются о необходимости изъятия электронных носителей информации, не вникают в суть события преступления. После их изъятия они длительное время якобы осматриваются, опять же без погружения в существо их содержимого. Потом такие носители возвращают законному владельцу. При этом тратится колоссальное количество рабочего времени, довольно часто, практически впустую. Такой формальный, шаблонный подход в следственной деятельности оказывает особенно пагубное, негативное влияние в сложных, проблемных ситуациях, ведет к искажению следственной перспективы.

В заключении подчеркну, что современный мир с точки зрения коммуникации стал очень мобильным и динамичным, что приводит не только к

улучшению качества жизни, но и повышению общего объема информации. Однако на фоне этой положительной динамики не должно снижаться качество расследования преступлений. А если еще точнее – ведомственный контроль должен осуществляться за соблюдением закона через призму процессуальной самостоятельности следователя в широком смысле этого слова, а не за формированием «благоприятных» статистических показателей в работе. Необходимо возрождать институт наставничества, который сегодня существует формально, по сути, превратился в институт начетничества, а говоря на армейском сленге в институт «дедовщины», когда старший по званию и опыту следователь, либо руководитель не только не оказывают практической помощи молодежи, но и дополнительно нагружают ее выполнением несвойственных следствию поручений.

Дальнейшее публичное обсуждение поставленной в статье проблемы представляется чрезвычайно важным, так как полагаю, что через несколько лет обсуждать ее будет уже попросту поздно, да и не с кем.

Список литературы:

1. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.
2. Томин В.Т. Избранные труды; предисл. С.П. Гришина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 586 с.
3. Ларин А.М. Я – следователь. Тула: Автограф, 2008. 792 с.
4. Драпкин Л.Я. Логические, эвристические и интуитивные механизмы мышления следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2018. 104 с.
5. Ткачева Н.В. Процессуальный статус и процессуальная самостоятельность следствия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 3. С. 19–22.

6. Марфицин П.Г. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5–1. С. 242–245.

7. Бецуков А.З. Процессуальная самостоятельность следователя и судебный контроль за предварительным расследованием // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 103. С. 908–922.

8. Тузова Е.В. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя в свете соотношения процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 226–232.

9. Насонова И.А. Руководитель следственного органа и следователь: проблемы взаимодействия и процессуальной самостоятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 7–14.

10. Лозовский Д.Н. К вопросу о комплексном подходе к расследованию преступлений // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 201–204.